

Меган и Гарри: подлинная история

Автор:

[Колин Кэмпбелл](#)

Меган и Гарри: подлинная история

Колин Кэмпбелл

Психологический бестселлер (Эксмо)

Невозможно представить более известную пару. Но в чем загадка их популярности?

Меган и Гарри не просто решились на дерзкий и свободолюбивый шаг – отказались от королевских почестей и сбежали из Британии, но и продолжают радовать поклонников и критиков своими скандальными поступками.

Эта книга, ставшая бестселлером в Британии, раскроет их секреты и причины столь необычного поведения:

- Почему старший брат выбрал в жены безукоризненную Кейт, а младший – бунтарку Меган?
- Что на самом деле побудило Сассексов отказаться от королевских титулов?
- По каким причинам именно Меган, а не Кейт, называют второй принцессой Дианой?
- Какой у Меган план и что ждет Гарри под ее каблуком?

Колин Кэмпбелл – биограф принцессы Дианы, она впервые раскрыла перед публикой неизвестные факты из ее жизни. Этот опыт помог автору понять мотивы поступков сына леди Ди, и она предсказала все, что происходит с парой, начиная с интервью Опре Уинфри до перечисления компаний, с которыми пара

сотрудничает сейчас. Благодаря связям в королевском дворе и знакомствам за океаном, автор детально разбирает скрытые мотивы пары и отвечает на вопросы: смогут ли они сделать большое состояние, откажется ли Меган от своих амбиций – опередить Диану и стать самой известной женщиной в мире, или даже президентом США?

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Колин Кэмпбелл

Меган и Гарри: подлинная история

Глава 1

19 мая 2018 года Меган Маркл вышла из старинного «Роллс-Ройса», доставившего ее вместе с матерью Дорией Рэгланд из Кливдена, исторического поместья Асторов, в часовню Св. Георгия в Виндзоре, где ей в полдень предстояло выйти замуж. Она была само очарование. В тот момент рождалось одно из крупнейших имен эпохи.

Когда актриса поднималась по ступеням часовни Св. Георгия, интерьер и наружная часть которой были украшены роскошными и изящными весенними цветами, она была воплощением сдержанности и исключительной скромности, стиля, сияющей радости и неопишуемой красоты. Простота ее белого шелкового свадебного платья, созданного модельером Givenchy Клэр Уэйт Келлер, с вырезом лодочкой, рукавами на три четверти длины и совершенно неприукрашенными корсетом и юбкой, сочеталась с экстравагантной фатой пяти метров длиной и трех шириной. Фата была густо вышита ее любимыми цветами (химонантом и калифорнийским маком), а также 53 цветками, растущими в разных странах Содружества, вместе с символическими зернами пшеницы и фрагментом синего платья, в котором она была на первом свидании с женихом. Все это несло особый смысл.

Каждое свадебное платье несет определенный посыл. Диана, принцесса Уэльская, по словам ее подруги Кэролайн Прайд, выбирала свое платье для того, чтобы объявить всему миру: «Вот я. Обратите внимание. Я совершенно не застенчива и хочу, чтобы все знали, кто я». Платье Кэйт Миддлтон говорило: «Я стильная, атлетичная и за традиционные ценности. Я наслаждаюсь своей женственностью. У меня изысканный, но консервативный вкус с небольшим намеком на дерзость, скрывающуюся за внешней оболочкой». Наряд Меган давал понять, что она разбирается в моде, любит женственный стиль, несмотря на ее откровенно феминистские взгляды, и является кем-то вроде лидера мнений. Помимо этого, платье представляло ее мыслящей, сбалансированной и сознательной личностью, которая будет следовать традициям королевской семьи только в том случае, если они совпадут с ее взглядами. В противном же случае Меган готова противостоять им. Она задала абсолютно верный тон для человека, дебютировавшего в ведущей королевской семье мира, давая понять, что ее достоинства безупречны, а качества будут только оттачиваться.

Однако возникли и разногласия. Сообщалось, что королева была удивлена тем, что будущая жена ее внука, уже однажды побывавшая замужем и разведенная, выбрала девственно белый цвет наперекор всем принятым в королевских и аристократических кругах обычаям, где все обстоятельства указывали, что нельзя одеваться в цвет светлее кремового. Несмотря на это, Меган сделала все, как планировала. Королевские и аристократические традиции едва ли имели значение для той, чья уверенность в своих силах была настолько твердой, что будущий свекор Меган, которому она нравилась, любовно окрестил ее «Вольфрам».

Цвет платья был не единственным сюрпризом, который Меган преподнесла в день свадьбы. По традиции, когда пара ставит подписи в книге записей и возвращается к публике, невеста делает реверанс королеве, а жених кланяется. Многовековая традиция соблюдалась всегда, и все ожидали того же 19 мая 2018 года. Принцесса Анна так делала на двух своих свадьбах. Диана – на своей. Так же поступили принцесса Александра, графиня Уэссекская, герцогини Йоркская, Кентская и Кембриджская. Однако когда Меган шла к алтарю с сияющим принцем Гарри, она пренебрегла реверансом, проходя мимо королевы. Это вызвало оцепенение собравшихся в часовне Св. Георгия, и один из участников сказал мне: «Никто не мог в это поверить. Она вышла и, проходя между рядами, даже не помахала рукой Ее Величеству». Королева не высказала замечания или жалобы, но она заметила – все обратили на это внимание.

Как и многие из присутствующих, я списала этот недочет Меган на нервозность и рассеянность. Людям, не привыкшим к королевским порядкам, свойственно забывать особенности королевской жизни, но не каждый занял столь лояльную позицию, особенно когда подготовка к свадьбе была сопряжена со скандалами, вспышками раздражения и требованиями. Большая часть тщательно скрывалась от публики, но ко дню свадьбы о них было хорошо известно в придворных кругах.

Меган отличается удивительным самообладанием. У нее величайшая уверенность в себе. Она знает, чего хочет, и приступает к достижению этого, не допуская никаких возражений. Она удивительно прямолинейна. Такими могут быть только американцы определенного происхождения, добившиеся успеха в жизни. Она не стесняется отходить от требований, но ожидает от присутствующих помощи в реализации своих желаний. Гарри боготворит ее прямооту и силу характера. Его восхищает тот факт, что Меган не позволяет никому управлять ею, когда берется за дело. Однако в придворных кругах, где люди зациклены на проблемах и при этом никто не выдвигает требований, а тем более не задает прямых вопросов и даже не выступает с открытыми предложениями, Меган причиняла беспокойство. Это создало почву для недопонимания и дурного впечатления, которые вскоре стали характеризовать отношения между парой и близкими ей людьми.

Теперь очевидно, что Гарри следовало пресечь все с самого начала, прежде чем ситуация ухудшилась, указать Меган, что ей необходимо вести дела «по-британски». Принцу надо было объяснить будущей жене: то, что срабатывает в киноиндустрии Голливуда, станет полным провалом в Британии. Люди не оценят ее напористости, а сочтут это бесцеремонностью и станут возмущаться тем, чем супруги восхищаются и называют прямоотой.

Гарри, однако, справился с этой раздвоенностью наихудшим из возможных способов. Все считали его обходительным человеком, даже притом что за ним закрепилась репутация вспыльчивой и излишне эмоциональной личности. Он часто принимал все слишком близко к сердцу, когда беспристрастность была бы более оправданной реакцией. Эта отрицательная сторона его характера теперь вышла на передний план самым злополучным образом. Он стал кичиться своим статусом, играя альфа-самца, защищающего свою маленькую женщину, поддерживая Меган даже тогда, когда понимал, что более продуктивно было бы

спокойно поговорить с ней, нежели повторять мантру: «Что Меган хочет, то Меган и получает». Поступая таким образом, Гарри не только позволял ей раздражать людей без необходимости (скорее всего, также непреднамеренно), но и вступил в противоречие с теми, кто ранее был высокого мнения о нем. В действительности принц подливал масла в огонь, в то время как мог легко погасить искры, используя, с одной стороны, знания, а с другой – мудрость.

Примером здесь может служить шумиха, созданная Гарри и Меган вокруг изумрудно-бриллиантовой тиары, которую принцесса Евгения выбрала для своей свадьбы. Гарри знал, к чему это приведет. Дата свадьбы его двоюродной сестры должна была быть изменена, чтобы принц смог жениться первым по старшинству. Было бы несправедливым лишать Евгению еще и тиары, которую она выбрала. Драгоценность когда-то принадлежала российской великой княгине Ксении, сестре царя Николая II, и была продана королевской семье, когда великой княжне было предоставлено убежище в Англии после российской революции и казни ее брата и многих других членов ее семьи, попавших в руки большевиков. Королева пообещала Евгении, что та сможет использовать тиару. На этом бы все и успокоилось, если бы Меган не решила, что хочет надеть тиару великой княгини Ксении на свою свадьбу, а Гарри, готовый выполнить любое ее желание, пренебрег тем, что тиара уже обещана его двоюродной сестре.

Конечно, были и другие тиары. Большинство действительно впечатляющих находилось в коллекции британской королевской семьи. Они попали туда из российского императорского дома и были куплены королевой Марией, бабушкой сегодняшней королевы. Она была большим коллекционером произведений искусства, драгоценностей и мебели. Среди них есть тиара великой княгини Марии Павловны со съемными изумрудными и жемчужными каплями, которую надевают лишь царствующая или будущая королевы. Как будущая жена второго сына предполагаемого наследника престола, Меган никогда не имела возможности выбора поистине эффектных драгоценностей, в том числе тиары Марии Павловны[1 - Владимирская тиара принадлежала великой княгине Марии Павловне, жене великого князя Владимира Александровича (сын Александра II). – Здесь и далее прим. ред.] или миссис Гревилл[2 - Маргарет Хелен Гревилл – знатная дама, подруга королевы Елизаветы.], которые носит Камилла, герцогиня Корнуольская. Драгоценности распределяются по старшинству, и то, что носит старший член королевской семьи, младший носить не может.

Хотя у Меган был выбор, ни одна новая невеста не может просто взять любые драгоценности и надеть их, будто имеет на это право. У нее нет никаких прав. Все, что она может, это получить их взаймы, причем это означает, что чем ниже она по старшинству, тем более ограничен ее выбор. Однако Меган модница и знает, что ей подойдет и сработает наилучшим образом с точки зрения образа, который она хочет представить. Недаром она дочь профессионального режиссера по свету. С раннего детства Меган была посвящена в секреты хорошего освещения и съемок. Она смышленная, способная и отлично усвоила уроки. Многие годы, проведенные перед камерой, отточили ее способность выбирать то, что ей подходит. Одно из ее любимых слов до того, как она пришла в британскую королевскую семью, было «стильно». Меган чувствует гламур так, как дано лишь немногим женщинам. Будучи более интеллектуально развитой, чем большинство, она быстро схватывает суть сценариев и видит историческую ретроспективу лучше, чем кто-либо в ее окружении. Нет сомнения в том, что тиара великой княжны Ксении понравилась ей не только потому, что она более эффектна, но и потому, что имеет весьма романтическую и экзотическую историю. Кто с таким же чувственным восприятием, как у Меган, отказался бы надеть впечатляющую тиару со шлейфом истории поверх бандо королевы Марии, сделанного в 1932 году?

Хотя выбор, сделанный Меган в отношении тиары, не был проигрышным с точки зрения вкуса, на эту тиару была и другая претендентка, и королева вряд ли проигнорировала бы свое обещание Евгении. Кроме того, было бы неправильным надевать ту же тиару следующим невестам. В конце концов, королева не могла смириться с тем, что праздник внучки был украден женой внука. Таким образом, она оказалась в затруднительном положении и попыталась разъяснить ситуацию через свою костюмершу, дизайнера одежды и хорошего друга Энджелу Келли, которая сказала Меган и Гарри, что им подобает принять то, что предложено, и не требовать большего.

Дело на этом и успокоилось, и никто ничего бы не узнал, но Гарри и Меган устроили грандиозный скандал, причем не только по поводу тиары, но и таких вещей, как запах в часовне Св. Георгия и ингредиенты некоторых блюд, приготовленных на свадьбу. Меган в своем прямолинейном стиле, который прежде прекрасно работал на нее, серьезно оскорбила члена королевской команды, дав понять, что он лжец. Меган якобы смогла распознать наличие в блюде ингредиента, который она запретила. Мнимый виновник, глубоко оскорбленный, отрицал это, а Меган должным образом проинформировали, что члены королевской семьи так не разговаривают со своим персоналом. Еще был ажиотаж по поводу запаха в часовне Св. Георгия. Меган высказала идею

опрыскать ее духами по своему выбору, однако предложение было провальным. Как сказал мне один придворный: «Мы были ошеломлены, обнаружив, что эта второсортная телеактриса из Калифорнии была настолько требовательной, что фактически хотела от нас, чтобы мы перешли на «новый уровень» и соответствовали ее гораздо более высоким стандартам». В то время как придворный думал, что ее «высокомерие и дерзость были просто невероятны, и хуже их было лишь неуважение», у Меган был прямо противоположный взгляд. Она считала, это была ее свадьба и она могла высказывать любые требования, которые хотела. Как продолжал говорить Гарри, все, что Меган хочет, она получает. Он знал, что после многолетней борьбы она наконец достигла того уровня жизни, к которому стремилась, и он хотел, чтобы все ее желания были исполнены. Пара не понимала, кто были эти люди, мешающие Меган? Они были обычными невзыскательными работниками. Их задачей было служить, и теперь, когда Меган собиралась стать членом королевской семьи, они должны были прилагать все силы, чтобы сделать ее счастливой.

Меган не только не предполагала, что обижает всех вокруг, но и не отдавала себе отчета в том, что они с Гарри унижают персонал. По их мнению, это Меган была жертвой сотрудников, а не они – ее. Как они могли быть жертвами, если им полагалось служить ей, а у них не получалось?

Что должен был знать Гарри, но не обязана была знать Меган, так это то, что большинство людей при дворе работают за смешные деньги. Вознаграждения за службу монархии не сводятся к финансовым выплатам, и то, что важно для персонала, измеряется не звонкой монетой, а степенью взаимного уважения между королевской семьей и прислугой. Это фактически был конфликт между прямолинейным транзакционализмом калифорнийского образа жизни и гораздо более тонким и приглушенным королевским укладом. Также становится ясно, почему каждая сторона считала себя вправе испытывать соответствующие чувства. Ценности и традиции Старого Света сталкивались с требованиями и ожиданиями Нового. В тот момент никто не знал этого, но конфликт двух разных и порой несовместимых культур лишь усиливался, как создавая проблемы, так и открывая новые возможности для различных заинтересованных групп, среди которых заметное место занимали СМИ, политические организации и даже сама пара.

Таким образом, недовольство поведением Меган и Гарри и тем, как они начали «строить» людей, появилось еще до свадьбы. Общественность, естественно, оставалась в неведении. Королевские круги надеялись, что Меган испытывает повышенную нервозность перед свадьбой, а Гарри играет роль мачо, чтобы произвести впечатление на свою будущую жену, и все успокоится после их свадьбы. Оставалась надежда, что Меган оставит свои калифорнийские привычки, а Гарри, который быстро терял поклонников и получал соответствующую репутацию за то, что неподобающим образом разбрасывался своим авторитетом, вновь станет любимчиком, как и прежде. Никто не ожидал, что Меган и Гарри будут на взводе, подталкивая друг друга ко все более решительным шагам и не терпя никакой оппозиции, что они будут считать всех стоящих у них на пути ненужной помехой и что, не достигнув своей цели, будут менять планы.

Конечно, никто в королевских кругах и предположить не мог, что через 18 месяцев женщины – члены парламента, архиепископ Кентерберийский и даже писательница Хилари Мэнтел присоединят свои голоса к тем, кто утверждает, будто неудача Меган в освоении королевского уклада имела расистскую подоплеку. Учитывая, что она и Гарри тем временем собирались оставить узкие рамки королевской жизни, предпочтя ей дух свободного предпринимательства в качестве мировых знаменитостей.

По всей Британии, в частности в королевских, аристократических, медийных, политических, популистских кругах и среди национальных меньшинств, люди хотели, чтобы этот брак был успешным. Хотя первоначально были сомнения по поводу уместности союза и возникали опасения, что каждый из них мог быть ослеплен своими желаниями и не готов к испытаниям. Однако меньше всего королевской семье был нужен еще один развод. Когда стало очевидно, что Гарри решительно настроен жениться на Меган, вся королевская семья и двор поддержали пару. Акцент был сделан на положительных качествах невесты, причем не только в плане ее интеллекта и решительности, но и приятных манер, очарования, живости, чувства юмора и, конечно же, ее происхождения. С одной стороны, она американка, причем образованная и утонченная, а с другой – цветная женщина. Королева, известная своим остроумием, сказала одному другу: «Теперь, когда Меган стала членом семьи, господину Корбину[3 - Джереми Бернанд Корбин – британский политик, лидер Лейбористской партии и оппозиции с 2015 по 2020 г.] будет гораздо труднее избавиться от нас». Здесь была значительная доля как правды, так и юмора, поскольку корни Меган позволяли монархии лучше представлять мультикультурную и многорасовую Британию. С 37-летней белой актрисой из Калифорнии, членом команды

популярного телесериала, это было бы невозможно.

Британская пресса и общественность, равно как и политический истеблишмент, также приняли смешанное происхождение Меган. В других королевских домах тоже были смешанные союзы, и в целом было ощущение того, что давно пора идти в ногу с континентальными родственниками. Второй сын королевы Дании вступил в брак с женщиной, среди предков которой были как европейцы, так и жители Азии. Второй сын правящего князя Лихтенштейна женился на цветной американке, родившейся в Панаме. Племянник князя Монако Ренье женился на цветной женщине из Вест-Индии. Двое сыновей австрийского эрцгерцога Гезы женились на африканках из региона южнее Сахары. Королева благословила своих двух первых внучатых племянников: в 1999 году distinguished Джеймс Ласкеллз[4 - Джеймс Ласкеллз – двоюродный племянник королевы, сын Джорджа Лэссельза (7-й граф Хэревуда), музыкант.] женился на нигерийской аристократке Джой Элиас-Рилуэн, а леди Давина Виндзор[5 - Давина Виндзор – двоюродная племянница королевы, дочь принца Ричарда, герцога Глостерского.] вышла в 2004 году замуж за Гэри Кристи Льюиса, представителя маори, плотника и реставратора зданий. Однако эти родственники были дальними представителями королевской семьи, а не ее основного состава. Включение Меган Маркл в семью само по себе означало позитивный сигнал не только для Британии, но и для всего Содружества.

Конечно, не все и не везде разделяли эту точку зрения. Всегда были и скорее всего будут люди с расистским мировоззрением. Им не понравилось включение Меган в королевскую семью. Однако их количество ничтожно мало, чтобы вызвать какие-либо последствия. Более того, в Британии дискриминация на расовой почве является уголовным преступлением. Преступления на почве ненависти жестко пресекаются властями, поэтому расисты оказались загнанными в угол, проигнорированными всеми, кроме подобных же ксенофобов. В действительности у них не было ни голоса, ни сил и они не играли никакой роли, но их существование натолкнуло американские СМИ на мысль о том, что Меган стала жертвой расизма в Британии, хотя это было далеко от правды.

Было бы справедливым сказать, что, за исключением расистского меньшинства, практически все приветствовали свадьбу, как раз в основном с учетом расового аспекта. Никто при дворе не хотел, чтобы стали известны закулисные проблемы, которые влияли бы на общественное мнение и восприятие Меган. Отсутствие ее отца на свадьбе было ошибкой, которая была устранена, насколько это было возможно, причем сам день прошел идеально. По данным Nielsen Social, 29

миллионов американцев и 18 миллионов британцев смотрели свадьбу, причем BBC оценила число телезрителей по всему миру в 1,9 млрд человек.

В тот вечер невеста продемонстрировала свой стиль, надев классическое белое шелковое вечернее платье с американской проймой от Стеллы Маккартни на официальном приеме во Фрогмор-Хаусе. Он расположен в Краун-Эстейт в Виндзорском большом парке, всего в пяти минутах езды от замка. Гарри довез туда Меган на Jaguar E-Туре льдисто-голубого цвета, отлично сочетавшегося с аквамаринным кольцом с изумрудной огранкой, принадлежавшим его матери Диане: Меган надела его на правую руку. По словам присутствовавших, это был прекрасный вечер с отличной атмосферой и пара выглядела влюбленной.

«Со времени первых дней брака принца и принцессы Кентских я не видел столь влюбленной королевской пары, – сказал один мой знакомый. – Они не могли разомкнуть объятий, и это было очень трогательно».

Можно было надеяться, что после столь блестящего начала пару будут поддерживать и восхищаться ею, как это было в день свадьбы. Все, кого я знала, желали им счастья. Молодожены даже сделали зрелый и, как скажут некоторые, «справедливый» выбор, отказавшись сразу же ехать в свадебное путешествие. Меган и Гарри дали понять, что они глубоко преданы своей работе, состоявшей в благотворительной и гуманитарной деятельности. Находясь в достаточно зрелом возрасте и уже пожив вместе до свадьбы, они вряд ли нуждались в медовом месяце в отличие от молодой пары, только начинавшей совместную жизнь.

Однако через четыре дня после свадьбы я присутствовала на обеде в доме влиятельного аристократа, имевшего связи во дворце, и услышала сообщение, наполнившее меня дурными предчувствиями. Днем ранее Меган присоединилась к Гарри, принцу Чарльзу и Камилле на приеме в Букингемском дворце, устроенном в честь проектов, над которыми шефствует Чарльз, принц Уэльский. Событие было приурочено к его 70-летию. То, что там произошло и о чем я расскажу дальше, было настолько шокирующим, что все мы пришли к выводу, что Меган попросту не приспособлена к роли герцогини королевского дома и что если брак окажется удачным, это будет чудом. Никто из нас не предполагал, что Меган и Гарри найдут в себе силы отказаться от королевского статуса и стать

парой, ведущей некоролевский образ жизни в Соединенных Штатах Америки. Но если то, о чем шептались, было правдой, в чем мы теперь убедились, то не оставалось сомнений в том, что Меган приспособлена к королевской жизни примерно так же, как Анджелина Джоли – к состязаниям по боксу.

Неудивительно, что они перескакивали от одного конфликта к другому в силу неспособности Меган вести королевский образ жизни и безоговорочной поддержки ее действий со стороны Гарри. Его неумение даже объяснить ей, в чем она не права, лишь способствовало тому, что она совершала ошибки одну за другой. На каждый их правильный шаг приходилось четыре неправильных. Для тех из нас, кто хотел, чтобы Меган осталась в Британии в качестве полноценного члена королевской семьи, блистательно исполняющего свои обязанности и способствующего делу межрасового единства в стране и по всему Содружеству, это стало трагическим финалом. Его можно было бы легко предотвратить, если бы Гарри объяснил все своей жене, а не поддерживал ее поведение, которое привело к их незавидному положению в обществе и скорейшему отъезду. Все, что от него требовалось, – это решать проблемы немного по-другому. Принц легко мог действовать более вразумительно, ставя Меган в известность, что она создавала конфликт там, где, наоборот, нуждалась в одобрении окружения. Тогда все сложилось бы иначе.

Фактически поведение Меган произвольно приводило к трениям и вызывало такой поток критики, что пара и ее сторонники стали искать расистскую подоплеку в происходящем. Это было не лучшей ситуацией как для пары, так и для любого монархиста, хотя, безусловно, стало бы орудием в руках республиканцев, антимонархистов и левых, которые хотят изменить общественный строй.

Несмотря на отрицательный итог, проблемы, вызванные неудачной попыткой Меган приспособиться к британскому укладу, способствовали появлению гораздо более интересной истории. Если бы какой-то автор написал художественную книгу по мотивам истории Меган и Гарри, ее отвергли бы как слишком фантастичную. Однако при взгляде на их ситуацию возникает впечатление, что порядок действий этой пары был вполне адекватным, причем они вполне могли достать нескольких кроликов из шляпы и оказаться там, где хотят быть: на вершине известности как самая достойная и уважаемая королевская пара в Соединенных Штатах. Ради их блага и, скажу больше, ради блага сотен миллионов цветных по всему миру, чьи надежды и ожидания связаны с их успехом, я надеюсь, они это сделают.

Глава 2

Будучи парой со столь разным происхождением, Меган и Гарри родились в семьях, где родительские союзы были удивительно похожи. Как принц и принцесса Уэльские, так и мистер и миссис Маркл не подходили друг другу. Обе родительские пары сделали все, чтобы дети не страдали от последствий разрыва. Если бы Гарри и Меган родились у более совместимых пар, придерживавшихся необходимых рамок и в меньшей степени потакавших своим слабостям, герцог и герцогиня Сассекские вряд ли имели бы столь много общего. При всем их различии у них есть настолько глубокое сходство, что эта уникальная комбинация оказалась мощным связующим фактором, сделавшим их необычайно сильной парой.

Рэйчел Меган Маркл родилась на три года раньше Гарри, 4 августа 1981 года. Ее отец, Томас Уэйн Маркл-старший, был, по ее словам, успешным 37-летним «режиссером по свету в мыльной опере». Он был награжден премией «Эмми. Средний запад» в Чикаго за телешоу «Сделано в Чикаго» в 1975 году, а позже получил две премии «Эмми» [6 - Daytime Emmy Award.] за популярный мыльный сериал «Главный госпиталь» в 1985 и 2001 годах. Он был номинирован и на другие премии, а также работал в довольно продолжительном сериале «Женаты... с детьми», в то время как мама Меган «была временным работником в студии, где они и встретились».

Дория Лойс Рэгланд родила дочь за четыре недели до своего 25-летия и была тогда замужем год и девять месяцев. Меган нравится думать, что отца привлекли милые глаза ее матери и афроамериканское происхождение, а также общая любовь к антиквариату. «Что бы это ни было, они поженились, и родилась я. Они переехали в дом в Долине Сан-Фернандо в Лос-Анджелесе, в лесистом и доступном по цене квартале». Том-старший зарабатывал где-то 200 тыс. долларов в год, и, даже не будучи богатой, семья однозначно чувствовала себя комфортно.

Молодым людям трудно представить, каково жилось смешанным парам четыре десятилетия назад. В действительности от белого Тома и афроамериканки Дории Маркл требовалось мужество, чтобы создать союз. Надо признать, что Голливуд, где они работали, был гораздо менее склонен к расовым

предрассудкам, чем внутренние районы Ньюпорта, штат Пенсильвания, и Кливленда, штат Огайо, откуда вышли семьи Маркл и Рэгланд. Но даже в Калифорнии смешанные пары были скорее исключением, чем правилом. Меган утверждает, что некоторые ее ранние воспоминания связаны с конфузами, когда люди принимали ее маму за няню. Поскольку они жили в белом районе и были там единственной смешанной семьей, ошибочное мнение жителей по поводу той роли, которую играла Дория в жизни светлокожей Меган, было, скорее всего, результатом невежества и бездумного отношения, нежели предрассудков. Однако для гордой и сильной женщины, какой была Дория, предположение о том, что она няня своей дочери, было унижительным. Это стало одним из факторов, ускоривших распад союза.

Хотя Меган стала первым и, как сложилось, единственным ребенком Дории, у отца уже были сын и дочь от первого брака. В 1964 году, в возрасте 20 лет, Том женился на Рослин Лавлесс, 19-летней секретарше, с которой он познакомился на вечеринке в кампусе Чикагского университета. В ноябре того же года родилась их дочь Ивонна, ныне Саманта Мари, а двумя годами позже – Томас Уэйн Маркл-младший.

После окончания колледжа Том-старший работал режиссером по свету на WTTWTV-Channel 11, важнейшей службе общественного вещания в Чикаго, штат Иллинойс, завоевав свою первую «Эмми» в 1975 году. Сначала брак был счастливым, однако через несколько лет Рослин почувствовала себя брошенной. По ее словам, Том проводил все дни и ночи за работой. Его целью было получение «Эмми», и, пока работа приносила хорошие деньги, Том не только игнорировал жену, но и водил шашни с другими женщинами. К началу 1970-х годов их брак распался.

Том жил в Чикаго и встречался с детьми по выходным, но после номинации на первую «Эмми» он переехал в Калифорнию и поселился в Санта-Монике. Саманта, находившаяся не в ладах с матерью и братом, первой последовала за отцом. Затем приехал получивший психологическую травму Том-младший: любовник матери задержал грабителей и был застрелен на его глазах. Том-младший быстро уехал в безопасную Калифорнию, и единственной ложкой дегтя в бочке меда, с его точки зрения, была его сестра, к которой он испытывал врожденную антипатию.

Теперь, когда оба ребенка были с ним, Том переехал в просторный дом с пятью спальнями на Провиденсия-стрит, рядом с загородным клубом Вудленд-Хиллс в

Долине Сан-Фернандо. Такое расположение делало дом Марклов одним из наиболее востребованных объектов недвижимости в районе. Даже сегодня это в основном белый квартал, где 80 % населения составляют белые, а афроамериканцы – менее 3,5 %, но в 1980-х годах здесь было еще меньше цветных. Это был благополучный район, таким он остается и сегодня.

По словам Марклов, в ранний период отношений Том и Дория были очень счастливы. Дория привнесла в дом ощущение семьи, объединив ее членов, чего раньше еще никогда не бывало. Она пришла из любящей семьи, и когда впервые пригласила Марклов на празднование Дня благодарения в свою семью Рэгланд, Том-младший был удивлен, какими «теплыми и открытыми» были ее родители, сводный брат Джозеф и сводная сестра Сандра, и заявил, что те были «такой семьей, которую я всегда хотел». Даже после развода родителей Дории и женитьбы ее отца на воспитательнице детского сада по имени Эйва Берроу, рождения их сына Джеффри Рэгланда и последовавшего за этим развода, Дория оставалась близка со всеми ними.

Рэгланды были скромной, но отнюдь не богатой семьей. Элвин, отец Дории, содержал магазин антиквариата под названием *Twas New*, а мать была медсестрой. Они были теми, кого в Европе принято называть мелкой буржуазией, а в Америке – средним классом. Дория сама была чем-то вроде хиппи, и ее теплота и доброта воспринимались детьми лучше, чем если бы она действовала в общепринятой манере. Вскоре после переезда в дом на Провиденсия-стрит она решила, что семье нужен тот, кого любили бы все. Поэтому она повезла Тома-младшего в приют для животных, где они выбрали собаку, помесь бигля и золотистого ретривера. Пса назвали Бо, и он стал их любимым питомцем.

Как и многие двадцатипятилетние, Дория не вполне понимала, чего хочет от жизни. Она пробовала себя в качестве визажиста до рождения Меган, однако с младенцем на руках и двумя детьми мужа, за которыми надо было ухаживать, домом, который надо было содержать и который впоследствии назвали «огромным», и мужем, который работал по 80–90 часов в неделю, она поняла, что быть домохозяйкой не слишком привлекательно.

Поэтому Дория занялась йогой с целью дальнейшего обучения и вскоре передала обязанности няни своей матери Дженет и пасынку Тому. Ее 17-летняя падчерица не испытывала интереса к присмотру за ребенком, предпочитая встречаться с друзьями. Сообщалось, что Саманта называла Дорию «служанкой», но это маловероятно, поскольку обе семьи помнят, что поддерживали теплое общение, даже если Саманта в типично тинейджерской манере старалась больше бывать с друзьями, нежели оставаться неотъемлемой частью семьи.

Тем не менее атмосфера в их доме была весьма раскрепощенной и дела там шли отлично. Детям разрешалось уходить и приходить, когда вздумается, проводить время с друзьями и даже курить травку при особом желании.

По словам обоих Томов, старший обожал Меган с момента ее рождения. Он проводил с ней каждую свободную минуту. Он любил ее даже больше, чем Дорию и двоих своих старших детей, уделяя ей больше времени и внимания. Похоже, это вызвало некоторое негодование Саманты, которая ревновала отца к маленькой принцессе. Тем не менее говорить, что это было проблемой, было бы преувеличением, хотя именно то накопившееся раздражение и отозвалось в будущем.

Есть также предположение, что Дория чувствовала себя отодвинутой Томом-старшим на задний план, поскольку он молился на Цветочка, как оба родителя стали называть маленькую Меган. Из их рассказов между строк можно было уловить, что заикленность Тома-старшего на ней вызвала у Дории такую же реакцию, как и у Саманты. Не то чтобы Дория не любила свою дочь. Но, похоже, она хотела, чтобы Том взаимодействовал с ней самой более эмоционально. Семья начала конфликтовать слишком рано. Дория возмущалась тем, что большую часть времени ей приходилось оставаться одной с младенцем и старшими детьми, в то время как Том все время работал, а возвращаясь домой, проводил большую часть времени с Цветочком, игнорируя жену.

До тех пор у них была спокойная обстановка в семье, но по мере того как между трудоголиком Томом-старшим и покинутой Дорией росло напряжение, последняя стала действовать в духе своей падчерицы, следуя собственным желаниям и часто оставляя ребенка со своей матерью или с Томом-младшим.

По словам Меган, когда ей было два года, ее родители развелись. Она с матерью вернулась к бабушке Дженет, где жила в будни, а на выходные уезжала к отцу.

Она помнила царящую между ними гармонию без малейшего намека на ссоры.

Это было вполне реально, хотя семья вспоминала скорее поверхностную тактичность, нежели теплоту в отношениях пары. Похоже, Меган приукрасила более жесткий сценарий, причем по уважительной причине. Ходят слухи, что Дория осознала не только то, что не хотела быть с мужем, которого никогда нет рядом и который не ценит ее, но и то, что она вообще не хотела быть замужем. Таким образом, она стремилась к настолько приватной жизни, что возникал вопрос: а что ей было скрывать?

Со временем она станет решительной и независимой. Дория принимала вызов судьбы с чувством собственного достоинства. Она сохранила хорошие отношения с бывшим мужем, по крайней мере до тех пор, пока Меган и Том-старший не поссорились. Поведение Дории стало свидетельством силы ее характера и способности добиваться того, чего она хочет.

Обе части семьи Меган подтвердили, что, пока она росла, у нее было все. Отец баловал дочку с младенчества. Хотя мать и установила некие границы, она тоже потакала во всем, так же как и родственники. В возрасте двух лет, к моменту расставания родителей, Меган была зачислена в школу Hollywood Little Red School House[7 - Здесь говорится о дошкольном учреждении.]. Это была исключительная школа, основанная исключительной женщиной, чьей целью было воспитание исключительных взрослых.

Рут Пиз, урожденная Стовер, была единственным ребенком глухонемых родителей. Из-за этого ее дразнили с раннего детства. Она выросла человеком, ценящим доброту и свободный выбор, а также образование и силу характера. Во время Второй мировой войны она вела дошкольную подготовительную группу из шести детей у себя дома. Одним из воспитанников был мальчик, наполовину китаец, чьи родители никуда не могли его пристроить. В то время Америка воевала с Японией, и ребенок, которого часто принимали за японца, стал мишенью для подобных предрассудков. Владелец дома, где жила Рут, отказал ей в ведении дошкольной группы, требуя переехать. Тогда они поселились в здании неподалеку, на спокойной зеленой улице Хайленд-авеню. Ее муж Роберт покрасил дом в красный цвет. Количество воспитанников выросло примерно до двадцати, и, чтобы учреждение отличалось от детского сада, Пиз приняла участие в формировании Дошкольной ассоциации Калифорнии в 1951 году. Как сообщила ее дочь Дебби Уэбе, «люди стали называть его «маленьким красным школьным зданием» (the little red schoolhouse). В результате они поменяли

название школы и воздвигли «колокольню сказок», которая стала ее отличительной особенностью. Многообразие было одной из целей госпожи Пиз, и через многие годы школа заработала такую репутацию. Среди ее выпускников дети секс-символа 1950-х годов Джейна Мэнсфилда, а также Джонни Деппа, бас-гитариста группы Red Hot Chili Peppers Фли, равно как и дипломатов, и людей не столь высокого положения.

К 1968 году, согласно новым строительным нормам, потребовался снос старого здания и возведение нового. Меган пришла в 1983 году в существенно разросшееся образовательное учреждение с лучшей в данном районе репутацией и очень не дешевое (от 20 000 до 25 000 долларов в год по сегодняшним ценам). На тот момент это был один из основных образовательных центров для детей голливудской элиты.

Меган проведет там девять лет, прекрасно развиваясь в условиях прогрессивного, но жестко структурированного распорядка, основанного на четырех стадиях когнитивного развития, сформулированных швейцарским психологом Жаном Пиаже.

Расположение Hollywood Little Red School House было идеально удобным для Тома и Доррии. Он работал на ABC Studios в близлежащем районе Лос-Фелис, а ее рабочее место, где она обучалась на соцработника, было в нескольких минутах езды от нового дома, немного южнее Голливуда.

После уроков Доррия, всегда активная, брала Меган на велопрогулки, пробежки или занятия йогой, и они вместе готовили ужин. Меган объясняет свою любовь к кулинарии именно этой традицией. Это время определенно было счастливым.

В 1992 году, в возрасте 11 лет, Меган перешла в среднюю школу Непорочного Сердца. Это была еще одна школа, куда голливудская элита и те, кто делал там карьеру, устраивали своих детей. Она была основана в 1906 году и располагалась на прекрасном холмистом участке земли в Лос-Фелисе (районе Лос-Анджелеса). Учреждение было и остается католической школой довузовской подготовки для девочек от 11 до 18 лет. «Мы гордимся тем, что более века воспитываем духовные, интеллектуальные, социальные и моральные качества в наших ученицах, которые становятся великодушными и порядочными

женщинами», – указывает представитель школы. Она остается бастионом элитной подготовки, допуская при этом общение с детьми более простого происхождения. Среди ее выпускниц – супермодель Тайра Бэнкс, актрисы и певицы Люси Арназ и Мэри Тайлер Мур, старшая дочь Уолта Диснея и писатель Дайан Дисней, а также множество известных девушек, которые сделали карьеру в индустрии развлечений.

С этого момента вплоть до поступления в университет Меган в основном жила с отцом. Они переехали из дома на Провиденсия-стрит в небольшое и более скромное жилище около школы и его работы. Она вспоминала, как проводила в студии, где работал отец, вторую половину дня после занятий, будучи одетой в форму своей католической школы. Меган узнала все об освещении и углах обзора камеры наряду со множеством технических решений, создающих магию под названием Голливуд. Она рассказывала: «Каждый день после школы на протяжении 10 лет я была на площадке, где снимался сериал “Женаты... с детьми”, и эта площадка была забавным и порочным местом, в котором росла маленькая девочка в форме католической школы. Отец говорил мне много раз: “Мег, почему бы тебе не сходить и не помочь с реквизитом? Обстановка здесь немного непристойна для твоего возраста”».

По иронии судьбы, проблемой для Меган стала не половая, а расовая идентичность, хотя все, кто ее знал, однозначно утверждают, что она держала эту проблему внутри. По крайней мере, в то время. Например, когда она должна была заполнить обязательную анкету по переписи населения в классе английского языка. Она была озадачена необходимостью выбора между черными, белыми, латиноамериканцами и азиатами и спросила учителя, что ей следует указать. Учитель порекомендовал белых – «потому что ты так выглядишь, Меган», вспоминала она. Однако она отказалась это сделать. «Это был не столько акт непослушания, сколько выражение моего смущения. Я не могла заставить себя так поступить, представив, как мою мать выворачивает наизнанку, узнай она про это. Так что я не поставила галочку в графе. Я оставила раздел о моем происхождении незаполненным: вопросительный знак, полнейший изъясн – именно так я себя чувствовала».

Это слова не ребенка, который чувствует себя комфортно, а того, кто вдумчив, озадачен и обеспокоен своей неопределенностью. Позднее Меган говорила с отцом, который сказал, что в следующий раз ей просто следует создать собственную графу и поставить в ней галочку. Меган пыталась уладить противоречие, вызванное тем, что она была цветной девочкой, которую

ровесники могли воспринимать как белую. Тогда она на самом деле не знала, к кому она относится. Многие американцы смешанного происхождения, отвечая на тот же вопрос, однозначно ответят «черный». То обстоятельство, что она смотрела на это иначе, даже в столь юном возрасте, показывает, что у нее было более неоднозначное отношение к проблеме, чем у других. Меган была не готова отказаться как от своих африканских предков, так и от европейских. Поскольку она не выглядела однозначно ребенком смешанного расового происхождения и единственным родителем, который в то время был известен в школе, был ее отец, многие одноклассники считали ее белой. Однажды группа девочек даже спросила ее, не хочет ли она вступить в клуб только для белых девочек, и ее ответ был вполне однозначным: «Вы издеваетесь надо мной?»

Меган говорила: «возможно, мое смешанное расовое происхождение создало серую зону вокруг моей самоидентификации, позволяя мне одновременно находиться с двух сторон». В дальнейшем она детально проработала это противоречие, «чтобы принять его, и сказать кто я, откуда и выразить свою гордость, будучи сильной, уверенной женщиной смешанного происхождения». Однако до того, как она смогла сделать это, ей пришлось пробираться сквозь серость, чтобы выйти на свет.

Этот ранний конфликт в итоге сделал ее не только сильнее, но и глубже. Она испытала сочувствие к тем, кто также не мог легко найти свое место в жизни. Как рассказала ее школьная подруга Элизабет Маккой, «если с кем-то обращались несправедливо, она заступалась за них. Меган была поистине достойным человеком, который заботился о тех, кто нуждался в помощи. Она плевать хотела на людей, не похожих на нее».

Ее бывшая классная руководительница Кристин Кнудсен вспоминала: «Она переводила разговоры на более глубокий уровень. В ней была большая глубина, вероятно, обусловленная ее собственным опытом и ударами судьбы по мере взросления». Учительница имеет в виду развод родителей Меган, однако и вопросы, касающиеся ее расового происхождения, равным образом могли повлиять на образ мыслей девочки.

Показательно, что Кнудсен не вспомнила, что в школе вообще существовал расовый вопрос. Это «не было чем-то существенным просто потому, что наша школа так полиэтнична. Не было презрения к кому-то из-за того, что у него другое происхождение». Недавнее исследование происхождения учеников показало, что 35 % из них – это белые, 20 % – латиноамериканцы, 17 % –

представители смешанных рас, 17 % – выходцы из Азии или с островов Тихого океана, 5 % – черные и 6 % предпочли не уточнять свои корни. В год, когда Меган окончила школу, демографические данные были такими же с единственной разницей, что черных учеников было немного больше. Эти цифры показывают, что Меган никоим образом не была единственной ученицей смешанного расового происхождения, причем небелые составляли большинство в две трети, и она скорее принадлежала к большинству, нежели к меньшинству, если бы не ее внешность.

Таким образом, давление, которое испытывала Меган в связи с расовым происхождением, было скорее внутренним, нежели внешним. На нее повлияли конфликты, от которых веками страдали многие цветные, непроизвольно «сходившие» за белых. Актриса Марша Хант однажды рассказала о своей цветной бабушке, голубоглазой и светловолосой. Она смотрелась в зеркало и недоумевала, как ее могли отнести к черным, когда она выглядела как белая.

Меган была умным ребенком и стала эрудированной женщиной. С ранних лет она видела, как «маму с лицом карамельного цвета, сопровождавшую светлокожего ребенка, спрашивали, где моя мать, поскольку ее принимали за няню».

Надо быть бесчувственным, чтобы не увидеть, как подобные вопросы влияли на маму и дочь. Было бы бесчеловечным не испытывать смущения и унижения, зная о культурном неравенстве между черными и белыми и массу других весьма неприятных противоречивых чувств. Ни один ребенок не любит быть другим. Ни один ребенок не любит выделяться из толпы. Ни один ребенок не хочет, чтобы люди думали, что его мать – прислуга. Поэтому понятно, что никто не помнит, чтобы Меган распространялась о своей расе. Не скрывая проблему, она в то же время по возможности избегала темы.

Поскольку школа Непорочного Сердца была католической, а католицизм учит, что бывают грехи, совершенные как в неведении, так и по неведению, то Меган знала, что отказ отстаивать свою идентичность равносителен греху, сделанному по неведению. Это знание никоим образом не уменьшило давление, которое она испытывала, когда ее принимали за белую. Меган никогда не отрицала своего происхождения, любила свою мать и ее семью, но при этом никогда активно не

защищала свою расовую принадлежность. Подобную дилемму трудно было бы выдержать любому ребенку. Это стало внутренним конфликтом для Меган, и, по ее словам, она не была частью какой-то особой группы, но при этом участвовала в различных мероприятиях, чтобы не есть ланч в одиночестве. Ее все любили, и она была приветлива со всеми, но у нее не было своего круга друзей, она чувствовала себя изолированной при всей своей внешней популярности и таким образом была некой самостоятельной единицей. Как она сказала, «в моей школе были маленькие группы: черные и белые девочки, филиппинки и латиноамериканки. Будучи смешанного расового происхождения, я чувствовала себя где-то между ними. Поэтому каждый день во время ланча я была на встречах: клуб французского языка, студенческая организация – я была везде, где только можно между полуднем и часом дня. Не то чтобы я была сильно увлечена всем этим, просто не хотела есть в одиночестве».

Хотя у Меган и была лучшая подруга, Никки Придди[8 - Во всех источниках – Нинаки Придди.], с которой она ходила на занятия с двух лет и иногда они обедали вместе, ее заявления показывают, что она ощущала свою расовую идентичность как проблему, с которой было трудно справиться. Однако вместо того, чтобы переживать за себя и испытывать чувство горечи, Меган сохраняла позитивный настрой, была уверенной в себе – находила верные решения, выбирала правильные занятия и заслуживала похвалу учителей. Вероятно, эта ранняя изоляция помогла ей воспитать в себе чувство самодостаточности и независимости, которое не только вызывало положительную реакцию, но и скрывало ее внутренние конфликты за фасадом приветливости.

Эти черты характера сослужат Меган хорошую службу в зрелом возрасте. Выдающиеся результаты могут быть изначально связаны с удачей, но их сохранение и превращение в капитал – это уже вопрос твердости характера, выносливости, решительности и дисциплины. Эти качества усиливаются, когда люди пережили ранние трудности и лишения, и откровения Меган о ее борьбе в детстве показывают, что она действительно страдала от ощущения отчужденности. Обстоятельства сделали из нее что-то вроде одинокого волка, а именно они становятся лучшими охотниками.

Хотя борьба Меган за свою идентичность и не была очевидна всем, когда она росла, ее решимость была явной. По сообщению Марии Поллиа, которая преподавала ей теологию в 11-м классе, она была «сосредоточенной молодой девушкой, которая бросала вызов самой себе, размышляя над сложнейшими текстами». Она не уклонялась от вызовов, а принимала и иногда даже искала их.

Наглядной иллюстрацией к этому может служить желание Меган участвовать в волонтерской деятельности после того, как учительница упомянула в классе о своей работе с бездомными. Когда Меган сказала Поллиа, что она также работала с ними и хотела бы вновь заняться этим, та направила ее на кухню в трущобах, где работала сама.

«Мои родители начинали с малого и всегда помогали обездоленным: покупали индеек для бездомных в День благодарения, доставляли еду людям в хосписах, давали мелочь тем, кто просил». Ее знакомство с благотворительностью начиналось, как и у принцессы Уэльской Дианы, она наблюдала, как родители жертвуют тем, кому повезло меньше, чем им самим; именно благодаря этим урокам обе женщины превратили свои первые шаги в постоянную практику.

Меган провела полтора года, работая в трущобах, и Поллиа сказала: «Люди с кухни, которых я знала, рассказывали, насколько на своем месте она была. Трущобы – очень страшное место. Как только она привыкла к ним и стала знакомиться с людьми, то сразу же называла каждого поименно».

Несмотря на всю заботу о посторонних, Меган было проблематично вести себя подобным образом с отцом. Никки Придди вспоминала, что «по мере взросления Мег должна была чуть больше опекать отца, но не могла этого делать». Несмотря на то что она ходила по острию ножа, передавая своим родителям сообщения друг от друга, они оба всегда заботились о Меган, а она не могла дать им того же. Ее отказ от заботы об отце (притом, что она делала это для посторонних) дает бесценное понимание ее характера и показывает, что даже в раннем возрасте она хотела прочертить границы.

У серого нет оттенков. Ты либо беден и в нужде, либо помогаешь бедным и нуждающимся. Демаркационные линии не могут быть четче. В этом контексте одинокие, чувствительные, щедрые, любящие и обделенные эмоциями способны построить человеческие связи, по которым они тоскуют, так как щедры по отношению к незнакомцам. Поскольку контакт между дающим и принимающим, по сути, обезличен в плане персональных данных, но при этом глубоко личен в момент общения, его атмосфера часто значительно более заряжена, чем при обычных обстоятельствах. Это доставляет удовольствие дающему и принимающему и объясняет, почему многие люди, которые испытывают чувство отчужденности, работают с менее удачливыми. Не приходится сомневаться, что подобная модель отношений была и у Меган. Таким образом, девушка, идентичность которой причиняла ей самой боль и смятение, стала искать тех,

кто был в нужде, но был бы для нее источником теплоты, смысла и человеческого общения. И с ними не было рисков и опасностей, которые подстерегали ее в общении с ровней. Отдавать чужим – это одно. Поддерживать же близких, которые, как она считала, должны были поддерживать ее, – совсем другое.

Поллиа вспоминала, как Меган начала работать в трущобах с такой прытью, что могла стать обновленной версией Бетти, интересующейся, была ли все еще у Ральфа та же собака, а у Фреда – рыба[9 - Отсылка к комедийному мультсериалу «Флинтстоуны»]. Она нашла отличный способ уйти от собственной изоляции, в которую ее затянули вопросы расовой идентичности. Между тем Меган усвоила один из важнейших уроков жизни: добродетель может служить компенсацией, а ее выгоды одновременно и практичны и эмоциональны. Но, чтобы получить их, надо действовать на опережение. Дальновидная Меган так и поступала. К этому времени она уже была на пути превращения в активистку, которой со временем и в самом деле стала. Хотя сейчас она благодарна Поллиа за поддержку и вдохновение, с первого взгляда ясно, что ее отец сыграл не менее фундаментальную роль.

Как она сама признавала, Том-старший внушил ей веру в то, что она может достичь всего, чего хочет. Очень трудолюбивый, мужественный в отстаивании своих убеждений и прямолинейный, он способствовал тому, чтобы у Меган был свой голос и чтобы она использовала его.

Члены ее семьи приписывают ту сильную уверенность в себе, которой Меган обладает с юных лет, поддержке со стороны отца. Он учил дочь вырабатывать свои собственные суждения, доверять им и действовать на их основании. Известен, например, случай с рекламой средства для мытья посуды Ivory, который приобрел почти мифический статус с тех пор, как Меган стала успешной актрисой, а затем и еще более известной герцогиней.

Как и у всех мифов, причины и последствия неочевидны, а факты не сходятся, но итог известен. В 1995 году Меган увидела рекламу средства для мытья посуды со слоганом: «Женщины по всей Америке борются с жирными кастрюлями и сковородками». Как она рассказывала на конференции в ООН, будучи еще безызвестной актрисой, «два мальчика из моего класса сказали: “Да, вот где

место женщины – на кухне”. Я помню, как была шокирована, зла и просто уязвлена. Это неправильно, и с этим что-то надо было сделать». Томас Маркл-старший подсказал ей написать жалобу, что она, по ее словам, и сделала, послав письма первой леди Хиллари Клинтон, известной защитнице прав женщин Глории Олред и в компанию Proctor and Gamble, выпускающую средство для мытья посуды Ivory. В то время как первая леди и скандальный адвокат ответили, Proctor and Gamble этого не сделала. По словам Меган, через месяц компания заменила рекламный слоган на следующий текст: «Люди по всей Америке борются с жирными кастрюлями и сковородками». В результате она поверила в то, что ее жалоба поспособствовала этой перемене. Как она заявила в ООН, «именно в тот момент я осознала важность моих действий. В возрасте 11 лет я сделала свой небольшой шаг, отстаивая равенство».

Каким бы вдохновляющим ни было данное послание, эта история имела свои недочеты, которые всплыли на поверхность после того, как Меган и Гарри стали парой и дворец провел проверку ее биографии. Прежде всего в 1995 году Меган было не 11, а 14 лет. Во-вторых, Хиллари Клинтон не была первой леди в 1992 году, а стала ею только в 1993-м, когда Меган было 12. В-третьих, нет свидетельств того, что одно ее письмо изменило ход истории. Разумеется, Proctor and Gamble поменял свой слоган, но со стороны Меган было чересчур оптимистично предполагать, что это было сделано в результате единственного письма, написанного 11- или даже 14-летней Меган Маркл. И, наконец, ни одно рекламное агентство не могло сменить слоган за месяц. Рекламу готовят месяцами. Она является частью кампаний по продвижению, в них не существует спонтанности и быстроты реакции, на которые претендует Меган. Если бы она предположила, что ее письмо – одно из многих, приведших к переменам, и не считала бы, что оно оказало воздействие за столь короткий срок, она стояла бы на более твердой почве. Но, представляя факты так, она подорвала обоснованность своих заявлений. В ходе проверки Меган навлекла на себя подозрения, подтолкнувшие одного придворного, который ценит искренность, к выводу, что она «типичный представитель Голливуда... всегда слишком явно выпячивает себя, в то время как более скромный и реалистичный подход свидетельствовал бы об искренности. Увы, когда смотришь эту запись, можно вздрогнуть от ее чрезмерного самомнения, не говоря уж о простодушии многих представителей Голливуда, которые думают, что если они сказали, что черное – это белое, а розовое – зеленое, все примут эту выдумку за правду».

Справедливости ради надо сказать, что Меган – продукт Голливуда. Ценности там отличаются от дворцовых. Выдумки и самореклама не вызывают осуждения, равно как и преувеличение, и все это рассматривается как реальные

инструменты «предоставления информации». Четырнадцатилетка, которая пишет письмо, заслужившее похвалу со стороны школьной администрации, и получает стандартные ответы, обычно рассылаемые разными хиллари клинтон и глориями оллред всем, кто с ними связывается, – такая девочка во всяком случае имеет повод гордиться своим свершением, даже если она по незнанию ошибается, приняв вежливый ответ от публичных фигур за что-то личное. И даже если верит в то, что смена компанией тэглайна – результат ее письма.

Как бы то ни было, это стало одним из тех ключевых моментов, которые каждый переживает в своей жизни. Как и любой другой, он также имел далекоидущие последствия. В частности, позволил Меган сделать вывод о том, что ее действия имели больший эффект, чем могли бы, что сподвигло ее к началу активной деятельности. Кроме того, это побудило людей, которые в ином случае воспринимали бы ее нейтрально, подозревать Меган в самомнении, выходящем за рамки. Именно здесь сталкиваются стандарты Старого Света и Нового. Самореклама и преувеличение традиционно воспринимались с подозрением в королевских и аристократических кругах, где чье-то слово всегда было некой гарантией. Существует четкий кодекс поведения, не позволяющий людям слишком открыто рекламировать себя или претендовать на то, что им не принадлежит по праву. На самом деле британская история изобилует людьми, которые попали на эшафот или иным образом разрушили свою репутацию, выбирая путь преувеличений и скандалов для привлечения внимания к своей персоне. Наглядный пример – популярная пьеса 1946 года «Мальчик Уинслоу» Теренса Раттигана, основанная на печально известном деле. Мартин, двоюродный брат моей покойной подруги Мэри Арчер-Ши, оказался на грани банкротства, защищая своего сына Джорджа от несправедливого обвинения в краже денежного перевода на пять шиллингов, которую тот отрицал. Были сделаны послабления, и традиционалисты поняли, что не нужно рисковать своим благополучием, защищаясь от незначительных обвинений, и принять то, что подмена фактов становится все более приемлемой частью современной жизни, чем ранее. Хотя некоторые люди, тем не менее, все еще строго придерживаются принципа: «Претендуй лишь на то, что тебе полагается».

Эта ранняя ошибка Меган стала преследовать ее в дальнейшем, когда она сменила статус скромной звезды Голливуда на положение суперзвезды, перепавшее ей после присоединения к британской королевской семье. Эти перемены выявили ее склонность к преувеличению.

Несомненно, у нее не возникло бы проблем в Северной Америке, где Голливуд и его образ жизни принимаются гораздо лучше, чем в Британии. Однако по эту сторону Атлантики людей насторожило то обстоятельство, что новая герцогиня Сассекская любила приврать и имела склонность к драматизации, что британцы считают подозрительным.

По словам Никки Придди, лучшей подруги Меган с детства, внимание, похвала и аплодисменты всегда были ее движущей силой. «Мег всегда хотела быть звездой», – говорит она. Несмотря на это, она была нормальной и милой девушкой, хотя и показывала твердость, которая в дальнейшем приведет ее к потрясающему успеху. Две женщины знали друг друга с двух лет, вместе они пошли в подготовительную школу Hollywood Little Red House. В 11 лет они перешли в школу Непорочного Сердца. «Мы всегда были Никки и Мег. Мы были так близки, что нас воспринимали только вместе. Мы были почти родными в семьях друг друга, были как семья», – говорит Никки. Только она может правдиво рассказать о ранних годах Меган. В ее рассказе нет ничего лишнего, нет злобы и самовосхваления. Подруга была рядом, и нет оснований думать, что это ложь.

По словам Никки, «ее мама Дория была очень крутая. Она обладала духом свободы, танцевала дома и устраивала нам девичники. Она советовала Мег раскрепоститься и говорила: «Тебе нужно получать удовольствие. Продолжай работать над этим». Даже в раннем возрасте Меган показывала признаки силы, которая приведет ее очень далеко. Хоть это и сковывало ее в возможности наслаждаться жизнью, Меган все держала под контролем.

Несмотря на веселый нрав, Дория ставила четкие рамки и учила Меган соблюдать порядок дома. «Том позволял ей больше. Он разрешал нам оставаться безнаказанными и был менее строг». Однако Меган была звездой для обоих родителей. «В каком-то смысле она выросла на сцене. Она не знала другой жизни. Том был отличным учителем. Он делал ее фотографии на сцене с детства». В результате «Меган захотела стать знаменитой. Она просто любила находиться в центре внимания. Мы часто представляли, как она получает “Оскар”. Она практиковалась в представлении самой себя».

Даже в том нежном возрасте Меган показывала исключительные черты характера. «Я восхищалась ее умением обращаться с родителями. Ей приходилось передавать сообщения. Это было буквально так: «Скажи своей

матери» или «Скажи своему отцу». Именно тогда она научилась контролировать эмоции. Поскольку за все время, что я знаю Меган, ее родители не жили вместе, это могло быть тяжело для нее. Иногда она чувствовала, что должна встать на чью-то сторону. Она всегда пыталась убедиться, что каждый из них счастлив». В результате Меган стала уравновешенным и естественным посредником. Она была нестигаема. Если вы случайно задевали ее, она давала знать об этом молчанием. Когда возникали проблемы, – вспоминает Никки, – я извинялась первой. Я просто хотела, чтобы мы опять были лучшими подругами. Она была упряма. Меган всегда твердо стоит на своем».

Девочки были столь близки, что Меган часто ночевала в доме Придди в Северном Голливуде и плавала в их бассейне. Когда девочкам было по 15 лет, Далтон и Мария Придди пригласили Меган в поездку по Европе со своей семьей, вместе с Мишель, младшей сестрой Никки, которая была так поражена Парижем, что следующее лето провела в Сорбонне. Однако Меган больше понравился Лондон. Они остановились в гостинице неподалеку от Кенсингтонского дворца и, конечно, ходили в Букингемский дворец, где парочку сфотографировали на перилах возле статуи королевы Виктории на фоне дворца.

Никки подтвердила, что «королевская семья была чем-то восхитительным для нее. У Меган на полке была одна из книг принцессы Дианы». Она смотрела похороны Дианы и плакала вместе со своими друзьями. Они так увлеклись этой темой, что она и еще одна подруга, Сьюзи Ардакани, достали старые видео со свадьбы Дианы и принца Чарльза в 1981 году и решили подражать примеру ее гуманитарной деятельности, собирая одежду и игрушки для детей из небогатых семей. Урок, который она усвоила, состоял в том, что самые стильные и гламурные женщины показывают, насколько они особенные, не только благодаря своей способности подать себя, но и с помощью гуманитарных акций. Она нашла себе ролевую модель и «полюбила “Дневники Принцессы” – фильмы о том, как обычный человек становится частью королевской семьи. Она очень увлеклась этой идеей. Она захотела стать принцессой Дианой 2.0», – сказала Никки Придди.

Конечно, у Меган не было представления ни о том, что готовило ей будущее, ни о том, что однажды у нее будет свой кабинет в Букингемском дворце, ни тем более о том, что она выступит против дворцовых ограничений практически так же, как и ее свекровь, с которой она так и не встретится.

Однако в тот момент амбиции Меган были более поверхностны. Основной целью стало поступление в Северо-Западный университет. А также бегство от отца, который нуждался в большей взаимности, чем она готова была ему дать.

В 1990 году Том выиграл 750 000 долларов в лотерее штата Калифорния. Хотя значительная часть суммы была растрочена на опрометчивые инвестиции в ювелирный бизнес совместно с приятелем из Чикаго, у него тем не менее появилась возможность работать меньше и баловать детей даже больше, чем ранее. Все члены семьи Маркл подтверждают, что Том всегда был чрезмерно щедр. Том-младший получил средства для открытия цветочного магазина, а Саманте купили новую машину. При этом дорогая оплата школьного обучения Меган стала благодаря выигрышу не такой обременительной.

За годы, проведенные в школе Непорочного Сердца, Меган сильно увлеклась драматургией. Ее целью, по словам Никки, было стать звездой. Эту цель взлелеял и поддерживал в ней отец. Известный в школе как режиссер по свету, завоевавший «Эмми», отец Меган участвовал в качестве технического директора в каждой постановке, в которой играла его дочь. Это только радовало театральнo-драматический отдел школы. Невозможно не думать о том, что даже в тот ранний период Меган постигала принцип «рука руку моет», выгоду от наличия чего-то, помимо таланта, для достижения своих амбиций. И того, как эти амбиции могут быть поддержаны профессионализмом знающих людей, таких, как ее отец.

В то время как технические возможности Томаса Маркла-старшего, несомненно, повышали качество каждой постановки, в которой участвовала Меган, он использовал любую возможность для укрепления знаний своей дочери о том, что сработает на сцене, а что нет. Он учил ее особенностям освещения на площадке, о важности светотени, тому, где стоять на сцене и даже под каким углом для максимального эффекта. Он также делал бесконечное количество ее фотографий, чтобы Меган могла видеть все со стороны. Эти технические знания были бесценны, поскольку он учил ее с колыбели тому, что большинство актеров постигали к старости, пройдя череду испытаний и ошибок.

Бывшая актриса Джиджи Перро преподавала актерское мастерство в ее школе и помогала с постановкой пьес и мюзиклов. Она вспоминает, что у нее никогда не было проблем с Меган, которая была «образцово-показательной и всегда учила свои роли», была «очень преданной делу и сосредоточенной». Видя

самоотверженность Меган, Перро «знала, что та будет кем-то особенным».

Однако Меган хотела быть звездой как на сцене, так и вне ее. К тому времени, когда она была тинейджером, она уже получала внимание мальчиков, понимая свою привлекательность, и они ей также нравились. В дальнейшем она станет ведущей, но уже в реальных отношениях, начиная с мальчиков из мужского аналога ее школы – школы Св. Франциска в городе Ла-Каньяда-Флинтридж неподалеку. Она была основана монахами-капуцинами из западноамериканской провинции в 1946 году на землях, купленных у загородного клуба Флинтридж, и ученики этой школы общались с девочками из школы Непорочного Сердца на равных. Как любые учреждения, готовящие «идеальных выпускников», обе школы стремились ограничить общение учеников, с тем чтобы они сфокусировались на чем-то стоящем и улучшающем качество жизни, нежели позволить им открыться для нежелательных влияний. Главное из этих ограничений относилось к установлению тесных отношений с неровней. Это было признанным требованием в обеих школах: ученики двух школ могли общаться друг с другом, но должны были соблюдать осторожность с посторонними. В желании оградить учеников от нежелательных влияний было что-то старомодное. Если это действовало в американском обществе, где прямо признается желательность общения людей определенного статуса и их взаимной поддержки на пути к большому успеху, то в Европе подобный подход считался не просто чересчур старомодным и сдерживающим, но и снобистским. В действительности это пример того, как новое общество придерживается демаркационных линий, в то время как старое склонно их ослабить, по крайней мере для большей мобильности между классами. Эта разница в культурных подходах окажется определяющей не только для отношений между Меган и Гарри, но и для их отношений с остальными.

Юная Меган тем временем пользовалась вниманием нескольких ребят из школы Св. Франциска и в 16 лет остановилась на Луисе Сегура, ее первом настоящем бойфренде. С латиноамериканцем, слывшим франтом, они были вместе два года. Она подружилась со всей семьей Сегура, которая поддержала ее в стремлении стать королевой бала в школе Св. Франциска. Будучи неизвестными в Британии, в Америке конкурсы на звание королевы бала были и остаются большим школьным событием, и Меган решила победить, написав сочинение о своей работе на кухне для жителей трущоб, и очаровать как можно больше людей, чтобы они проголосовали за нее. Она победила, и, облаченная в атласное платье-бюстье и тиару, Королева Меган направилась на бал в сопровождении кавалеров во главе с Дэнни, младшим братом Луиса, нарядившимся в смокинг и рубашку с воротником-стойкой с отогнутыми углами и бабочкой.

Меган восприняла свой успех как должное. Некоторые девушки, возможно, изменили бы свое поведение, но она осталась такой же милой, очаровательной, открытой и вместе с тем утонченной девушкой, с которой всем было весело и приятно. По словам друзей, казалось, что она использовала этот успех в качестве подготовки к чему-то предстоящему, причем это словно не было чем-то серьезным, а то, что она заслуживала и на что имела право. Меган собиралась стать великой звездой, а это была лишь первая проба, не имевшая никакого значения.

В программных заметках 1997 года к мюзиклу Стивена Сондхайма «В лес», в котором Меган сыграла Красную Шапочку, она также указала, что хотела поступить в Северо-Западный университет в пригороде Чикаго, поскольку это был бы первый шаг на пути к Бродвею. В своем последнем ежегоднике она пошла еще дальше и описала себя как «стильная» (classy) – слово, которое навсегда останется ее любимым и значение которого важно для нее как в практическом, так и в философском плане. Чтобы подчеркнуть свои амбиции и веру в себя, она снабдила свою фотографию цитатой Элеоноры Рузвельт: «Женщины подобны чайным пакетикам: они не осознают, как сильны, пока не окажутся в горячей воде».

Никто из сверстников Меган не считал ее нескромной или амбициозной. Хотя она уже в те времена была склонна цитировать афоризмы, причем, как полагают наблюдатели, она делает это до сих пор. Меган была драгоценным камнем в поисках подходящей оправы, чтобы сиять еще ярче. У нее было здоровое честолюбие.

Она и ее отец делали и продолжают делать все возможное, чтобы улучшить перспективы будущей звезды: от дорогой ортодонтии ради идеальной улыбки до пластической хирургии выпуклого кончика носа. Это была довольно распространенная процедура среди начинающих актрис Голливуда.

Даже легендарная красавица Элизабет Тейлор сделала такую операцию, будучи подростком. Это была простая процедура: хрящ был удален, и кончик носа стал острее, чем предполагала природа. В случае Меган, однако, результат процедуры со временем стал заметнее, поскольку хрящ между кончиком и костью наклонился, придавая ее носу эффект прыжка с трамплина, что, по

иронии судьбы, у Гарри было с рождения.

Когда Меган окончила школу Непорочного Сердца в июне 1999 года, ее академические и личные качества стали очевидны всем во время церемонии, проходившей в «Голливуд-боул». Помимо аттестата об окончании школы, она была награждена Премией Клуба Нотр-Дам (Лос-Анджелеса), Премией изящных искусств Банка Америки, благодарностью в рамках Национальной стипендиальной программы и наградой за наставничество над младшими классами.

Хотя Меган выиграла три стипендии и могла поступить в несколько колледжей на бюджетное или платное отделения, ей никогда не приходила в голову мысль, что она должна пойти куда-либо, кроме того места, в которое она хочет. Родители воспитывали ее так, чтобы ее желания исполнялись, а Меган хотела поступить в Северо-Западный университет.

Это учреждение было и остается одним из самых престижных частных исследовательских вузов в Соединенных Штатах. Ежегодная плата по сегодняшним меркам превышала 50 000 долларов. Университет занимает 9-е место в рейтинге и имеет 10-й по величине университетский фонд страны, оцениваемый более чем в 11 миллиардов долларов. Главный кампус, расположенный в Эванстоне, штат Иллинойс, занимает около 240 акров, второй кампус, в Чикаго, – 25 акров. Есть еще третий кампус – в Дохе (Катар). В число бывших и нынешних преподавателей и выпускников университета входят 19 лауреатов Нобелевской премии, 38 лауреатов Пулитцеровской премии, 16 лауреатов стипендии Родса, 6 лауреатов стипендии Макартура, 65 членов Американской академии искусств и наук, 2 судьи Верховного суда. А его университетская Школа коммуникаций – лидирующая кузница лауреатов премий «Оскар», «Эмми» и «Тони»: режиссеров, драматургов, писателей, актеров и актрис. Хотя Том потерял значительную часть своего лотерейного выигрыша, он по-прежнему оставался весьма успешным режиссером по освещению, брал банковские кредиты и тратил дополнительные часы, чтобы собрать средства для отправки своего любимого Цветочка в университет, который будет трамплином на ее пути к постоянно возрастающему успеху.

Учитывая, что заявленной целью Меган при поступлении в Северо-Западный университет было стать звездой Бродвея, тот факт, что она выбрала английский язык, а не актерское мастерство, означает, что она либо не была столь уверенной в себе, как казалось, либо, напротив, была настолько уверена в себе,

что не чувствовала необходимости специализироваться в выбранной области. Уехать из дома учиться в другой город – вызов для любой девушки или юноши, но у Меган было больше плюсов и минусов, чем у многих ее сверстников. Выросшая в Голливуде, она была гораздо более развитой, чем ее однокурсники с Восточного побережья. Она лучше одевалась, была более стильной, умела подать себя лучше, чем они, и была более уверенной, чем большинство из них. Она подружилась как с парнями, так и с девушками, ворвавшись в кампус Эванстона. Меган упростила свой стиль до того, что она считала монокромным шиком; теперь на ней было гораздо больше макияжа, чем разрешалось иметь в Калифорнии, и она даже стала мелировать волосы. Всегда осмотрительная, взвешенная и расчетливая в хорошем смысле слова, будущая принцесса наблюдала и ждала, прежде чем решить, к какой женской группе примкнуть. Приняв решение, она шла напрямик к своей цели, включив силу своей личности в стремительной атаке, и, что неудивительно, была принята в женское сообщество «Каппа Каппа Гамма» в компанию образованных и великолепных девушек. «Нас всех объединяет одно, – говорит член организации Мелания Идальго, – мы активные, образованные и амбициозные». Девушки обожали вечеринки, любили выпить больше, чем прочесть книгу, и общались в надежде, что те, кого они встретили, могут оказаться более полезными в будущем, чем полученные знания. Меган так успешно вписалась в сообщество, что в итоге ее избрали руководителем по подбору новых членов объединения.

Как рассказывает Меган, у нее был один недостаток, которого не было у большинства сестер. Северо-Западный университет был преимущественно белым. Большинство студентов происходили из белой среды. Они не привыкли к межрасовому взаимодействию, и, по ее словам, в одном случае реакция была обескураживающей. Она рассказала Elle Magazine, как ей пришлось преодолевать «закоснелость соседки по общежитию, с которой я познакомилась в первую неделю в университете и которая спросила, живут ли вместе мои родители. “Ты сказала, что твоя мама черная, а отец белый, верно?” – спросила она. Я кротко улыбнулась, ожидая, что дальше может слететь с ее поджатых губ. “И они разведены?” Я кивнула. “О, это понятно”. По сей день я не совсем понимаю, что она имела в виду, но намек был ясен. И я отстранилась: боялась открыть этот ящик Пандоры дискриминации, поэтому сидела подавленная, не раскрывая рта».

Те, кто хорошо знает Меган с детства, знают, что нельзя воспринимать все слишком буквально. У девушки всегда была склонность приукрашивать, делать

драму из самых нейтральных событий, и особенно с тех пор, как она стала публичной фигурой. Любит использовать поэтическую вольность, чтобы расставить акценты так, как ей хочется.

Журналистское расследование так и не смогло обнаружить эту расистку из общежития, хотя существуют записи о том, кто с кем жил в одном помещении, вполне вероятно, что эта история скорее сомнительна, нежели является реальным воспоминанием. Ее подруга объясняет: «Вы можете понять, насколько точно воспоминания Меган соответствуют рассказываемой ею истории. Выдумки Мег слишком хорошо продуманы, чтобы быть правдой. Люди просто не действуют так, как она говорит. Как только вы ее узнаете, то сможете сказать, что из этих сюжетов принадлежит Меган, а что произошло на самом деле».

Таких инцидентов, реальных или выдуманных, к счастью, было немного. По собственным словам Меган, ее чувствительность по поводу своей расы преследовала ее от открытой Калифорнии до замкнутого Иллинойса, несмотря на то, что никто не заметил, как это влияло на нее. Поскольку нет относящихся к тому времени свидетельств, что она испытывала реальные расовые проблемы, а ее образ жизни предполагает, что Меган была полностью принята всеми сторонами и действительно процветала так, как не смогла бы ни одна девушка с реальными проблемами, это говорит о том, что она не сталкивалась с какими-либо существенными или реальными предубеждениями. Это также дает понять, что Меган настолько успешно преодолела ту внутреннюю расовую раздвоенность, которая, как она позже утверждала, была ей свойственна и которая не помешала ей достичь всего, чего она хотела. Конечно, мы должны поверить ей на слово, что расовые вопросы оставались для нее внутренним источником дискомфорта. Однако степень ее адаптации также положительно отразилась на однокурсниках в Северо-Западном университете, двое из которых остаются ее друзьями до сих пор.

Когда начался ее первый год обучения, Меган устроила бурную вечеринку, завоевала популярность как среди девочек, так и среди мальчиков и заполучила одного из самых горячих парней в кампусе: белый баскетболист из Лейквуда, штат Огайо, по имени Стив Лепор, ростом 6 футов 5 дюймов. Он учился на втором курсе, играл в баскетбольной команде и был таким же дисциплинированным и сосредоточенным, как и она. Но он больше интересовался фитнесом, чем вечеринками, намереваясь стать профессионалом, и пошел на все необходимые жертвы – например, отказался от женского

общества в ночь перед игрой в соответствии со стандартной практикой среди спортсменов. В конце того учебного года он перевелся в Университет Уэйк-Форест в Уинстон-Салеме, штат Северная Каролина, где стал выдающимся игроком. Сейчас он помощник тренера мужского баскетбольного коллектива Университета Восточного Кентукки и, вместе со своей женой Кэрри, гордый родитель своей маленькой дочери Джулианы Руди.

Очевидно, отношения не были достаточно серьезными, чтобы Меган следовала за ним, и она, не теряя времени, нашла Стиву замену, хотя вплоть до окончания Северо-Западного университета у нее больше не было столь атлетичного бойфренда.

Это не оказало заметного влияния на то удовольствие, которое Меган получала в колледже. Она завела дружбу с тремя людьми, и это в некоторой степени помогло ей восполнить пробел, возникший, когда география разлучила ее с Никки Придди. Хотя подруги детства поддерживали связь, Меган теперь нашла ей своего рода замену в лице Линдси Джилл Рот, привлекательной светловолосой дочери еврейских юристов из процветающей деревни Латтингтаун на Лонг-Айленде в городке Ойстер-Бэй (округ Нассау, штат Нью-Йорк). С населением менее двух тысяч человек, из которых 94 % были белыми, он не имел реальных параллелей с Вудленд-Хиллз, за исключением того, что оба района были преимущественно белыми и в обоих доход был выше среднего по региону: в Вудленд-Хиллз он составлял немногим менее 100 000 долларов в год, тогда как в Латтингтауне был в полтора раза больше. Две девочки теперь стали верными подругами после встречи в классе литературы Тони Моррисон в их первый год обучения в Северо-Западном университете. Они вместе пили, вместе гуляли, вместе учились, а позже, когда обе закончили свое обучение, поддерживали связь, поскольку Линдси стала продюсером телепрограмм «Ларри Кинг сейчас», «Кухня настоящей девушки» и «Королева-босс», а также издала книгу «Из чего сделаны хорошенькие девушки» в 2015 году. Тем временем Меган боролась – и успешно – за получение роли Рэйчел Зейн в «Форс-мажорах».

В 2016 году, когда Линдси выходила замуж за англичанина по имени Гэвин Джордан, Меган была замужней подругой невесты. Это показательно, потому что, когда Меган выходила замуж за Тревора Энгельсона в 2011 году, она выбрала Никки Придди своей подружкой невесты. Несмотря на это, связь между Меган и Рот была крепкой. «Мы такие подруги, – сказала Линдси Рот, – которые могут быть в 3000 милях друг от друга, но при этом говорить или думать об одном и том же и даже писать друг другу одно и то же в одно и то же время. Я

знаю немногих людей, которые были бы такими благородными и участливыми, как Мег. Я знаю, что когда люди получают известность, они меняются. Но она все та же девушка, с которой я познакомилась много лет назад, с теми же ценностями и приоритетами. Она бескорыстна, и это лишь часть того, кто она есть и кем ее воспитали. Есть девиз, к которому мы с Мег постоянно возвращаемся на протяжении многих лет:

«Я выбираю счастье». Это постоянное напоминание о необходимости осознавать себя, быть уникальной, быть счастливой и относиться к людям с уважением; быть доброй, чуткой и действительно учиться у окружающих в любых обстоятельствах. Мег это делает. Она выросла в выдающуюся бизнесвумен, актрису, писательницу и защитницу интересов женщин и детей».

У Меган появилась еще одна подруга, с которой она будет поддерживать связь. Это Женевьева Хиллис, ее сестра из женского общества «Каппа Каппа Гамма», но самым близким другом в то время была не Женевьева, а афроамериканец по имени Ларнелл Квентин Фостер. Он был скрытым геем, сыном пасторов, которые, как он чувствовал, были бы разочарованы, если бы узнали о его ориентации. Он изучал актерское мастерство в Северо-Западном университете и впоследствии стал профессором драмы. Теперь он открытый гей. Однако во время учебы в колледже он жил вместе со своими родителями. Он и Меган привлекали к себе внимание: они часто ходили на авангардные театральные представления или просто тусовались. «Мы были очень общительными. Мы всегда занимались разными делами, веселились. У нее были амбиции стать актрисой, но мы не хотели проводить на репетициях весь день, как многие другие. Мы предпочитали посмотреть представление, чем участвовать в нем».

Меган часто присоединялась к Фостерам за обедом по выходным; ее связь с их семьей была настолько сильной, что вместе с Фостерами она посещала службы в их церкви. Они с Ларнеллом также любили готовить вместе: ее любимой кухней в то время была индийская. Позже Ларнелл охарактеризовал Меган как «очень добрую, искреннюю, заботящуюся о своей семье, друзьях и мире».

Отказавшись от трех стипендий ради учебы в Северо-Западном университете и изучения английского языка, Меган недолго проучилась в университете, прежде чем поняла, что сделала неправильный выбор специальности. Поэтому она

решила переключиться на театральное искусство и международные отношения. Хотя она по-прежнему стремилась к славе, теперь девушка расширяла кругозор, добавив в свой арсенал работу в дипкорпусе: с одной стороны, это стало бы для Меган этапом в ее карьере, с другой – там она могла блистать, как на сцене. «Она никогда не думала, что ее жизнь будет обычной, – сказал один из ее старых друзей, пожелавший остаться неизвестным. – Она намеревалась стать птицей высокого полета, чем бы она ни занималась. Она могла представить себя бродвейской звездой или кинозвездой, послом или дипломатом, чьи действия изменили бы мир, улучшив при этом судьбу человечества».

С этой мыслью Меган обратилась к старшему брату своего отца Майклу, сотруднику Госдепартамента, который специализировался на системах правительственной связи США. В семье было принято считать, что он работает в ЦРУ. Он побывал в таких местах, как Берлин, Гуам, Бухарест и Оттава, вместе с женой Тони, которая умерла в 2012 году. Он был востребован и имел хорошие связи в Государственном департаменте. Меган хотела, чтобы он нашел для нее стажировку в посольстве США за рубежом. Она объяснила, что подумывает о карьере в международных отношениях и хочет получить практический опыт дипломатической жизни, чтобы понять, хочет ли она стать дипломатом. Трудность заключалась в том, что она занялась этим так поздно, что получить желаемое означало обратиться за дополнительными одолжениями к друзьям.

«Я знал [американского] посла в Буэнос-Айресе, – сказал Майкл Маркл. – Я лично поговорил с ним и назначил ее на стажировку, которая ей была нужна». В результате того, что ее дядя дергал за ниточки, Меган предложили шестинедельную стажировку в качестве младшего сотрудника пресс-службы посольства США в столице Аргентины. Находясь там, она выполняла обязанности любого другого младшего пресс-атташе. Она отвечала на запросы, составляла письма, пересылала бумаги из одного отдела в другой, в целом принося пользу и выполняя то, что было фактически черновой работой. Но своего начальника, Марка Кришика, она поразила как умелый и изобретательный сотрудник. «Останься она с Государственным департаментом, стала бы отличным дополнением к дипломатическому корпусу США. У нее было все, что нужно, чтобы стать успешным дипломатом».

Вместе с тем отношения к делу и личным качеств было недостаточно для работы в Государственном департаменте. Нужно было также пройти экзамен на офицера дипломатической службы, который Меган сдавала, находясь в Аргентине. К ее огорчению, ей это не удалось. Тем не менее она планировала

вылететь в Мадрид в конце стажировки по программе международного образования для студентов, чтобы пройти шестинедельный курс испанского языка. Она последовала этому плану и позже сочла полученные знания полезными.

Однако у нее не было соблазна пересдать экзамен. Не привыкшая к неудачам, она решила, что ее будущее – на сцене. Дипломатия была лишь несбыточной мечтой. Она осознала, что этот карьерный путь будет сопряжен со множеством трудностей. Мало того, что ей предстояло пройти более долгий и трудный путь, прежде чем она станет звездой, которой хотела быть, но и тамошние вознаграждения при тщательном рассмотрении казались менее привлекательными, чем у звезды сцены или экрана. В этом плане ее оценка была точной, потому что независимо от того, насколько высока квалификация карьерного дипломата, высшее звено дипломатического корпуса просто не обладает той пикантностью или очарованием, которые есть у звезды.

Однако этот вкус неудач был лишь первой каплей зелья, которое Меган была вынуждена глотать снова и снова на своем третьем десятилетии. Яркое сияние в средней школе и университете не всегда бывает залогом успеха в жизни. Фактически те, кто сияет в такой безопасной и структурированной обстановке, часто не могут осветить реальный мир, в то время как приземленные ученики взлетают на большие высоты, когда их выпускают в суматоху реального мира. Так было и с Меган, когда она окончила школу коммуникаций Северо-Западного университета со степенью бакалавра искусств в области театра и международных исследований.

В то время как Меган блистала в школе и университете, Гарри, который родился через три года и один месяц после нее, 15 сентября 1984 года, ничем особо не отличался. Притом что их аттестационные ведомости кажутся настолько противоположными, насколько это возможно, их приход в этот мир имел параллели.

Брак принца и принцессы Уэльских разбился о скалы вскоре после рождения Гарри, и, хотя они оставались вместе в течение последующих восьми лет, брак распался раньше. Супруги представляли собой парный этюд, участники которого избегали появления вместе, за исключением официальных событий.

Чарльз обосновался в Хайгроуве в Глостершире, в доме, который герцогство Корнуолл купило для него у виконта и виконтессы Макмиллан из Овендена в 1980 году, до его женитьбы в 1981 году. По словам тогдашнего камердинера Чарльза Стивена Барри, возившего Диану между Букингемским дворцом и Хайгроувом на полуночные встречи с принцем, она внесла большой вклад в отделку дома. Однако после того, как брак распался, Диана решила оставаться в будни в Лондоне в Кенсингтонском дворце, а Чарльз поселился в Хайгроуве. Пара редко бывала вместе даже на выходных. Часто случалось, что, когда Диана собиралась посетить Хайгроув, Чарльз как раз отправлялся навестить друзей. Договоренность была настолько цивилизованной, что Чарльз позволял Диане развлекать ее любовника Джеймса Хьюитта[10 - Джеймс Хьюитт - бывший кавалерийский офицер британской армии.] даже за городом. Известный наездник, с благословения Чарльза он также научил Диану и мальчиков верховой езде.

Хотя между Чарльзом и Дианой, Томом и Дорией было сходное отсутствие близости, обе пары нашли способ преодолеть множество разочарований до такой степени, что их дети смогли установить хорошие отношения с обоими родителями. На первый взгляд, обе родительские пары стремились к отсутствию открытой враждебности, но только Марклам удалось поддерживать подобный стиль общения. Во многом это было связано с эмоциональным состоянием Дианы. Если бы она была счастлива с любовником, то у них с Чарльзом сложились бы относительно цивилизованные, даже устойчивые отношения. Иногда это могла быть даже нежность, как у брата и сестры, которые не особенно близки, но испытывают врожденную привязанность друг к другу. Это было особенно актуально во второй половине восьмидесятых, когда роман Дианы с Джеймсом Хьюиттом процветал. Однако всякий раз, когда ее личная жизнь была неудовлетворительной, Диана стреляла в Чарльза залпом из всех орудий, выбивая из него всю безмятежность.

В такие моменты все происходило по его вине. Это он разрушил ее жизнь, будучи не тем мужчиной, которого она хотела. Если бы не он, ее жизнь была бы идеальной. Эти сцены были травмирующими для всех, кого это касалось, в том числе для детей. Хотя Чарльз сохранял миролюбие и делал все, что в его силах, чтобы избежать спора, Диана была его полной противоположностью. Когда она готовилась к драке, она должна была удостовериться, что у нее есть что сказать и что все узнают об этом. Она кричала на весь дом. Она буйствовала часами. Она швыряла оскорбления и предметы и всегда доводила себя до слез разочарования и истерии. Поскольку Диана никогда не была верна ни одному любовнику, от Джеймса Хьюитта и Хасната Хана[11 - Хаснат Ахмад Хан -

британо-пакистанский хирург, работал в одной из больниц Лондона.], двух мужчин, в которых, как она позже утверждала, была по-настоящему влюблена, до Доди аль-Файеда[12 - Доди аль-Файед - продюсер, сын египетского миллиардера, погиб в автокатастрофе вместе с принцессой Дианой.], и поскольку она всегда искала идеального мужчину, который сделал бы ее жизнь полной, ее любовная жизнь была непостоянной, даже когда была относительно стабильной. Всегда существовала опасность, что ее взорвет, и предсказать взрыв было невозможно, поскольку ее побудительные мотивы не имели никакого отношения к мужу или даже поведению ее возлюбленного. Дело было в ее внутренней потребности чувствовать себя любимой и сознавать, что эта любовь была чем-то, на что она могла положиться. Диана всегда старалась направить вспышки своего гнева на мужа, а не на любовников, и это не способствовало созданию стабильной или счастливой атмосферы в доме. Затем, когда все успокаивалось, она становилась тихой, адекватной Дианой, которая понимает, что должна оставаться замужем за Чарльзом и лучший путь для них - продолжать вести раздельную, но цивилизованную жизнь, он - со своей любовницей, она - со своим любовником.

Однако когда Диана приблизилась к тридцатилетию, она начала задаваться вопросом, почему должна оставаться замужем за Чарльзом. Она откровенно сказала, что хочет брака по любви и мечтала о дочери. Это внесло в ее семейную жизнь совершенно новый уровень нестабильности. Спусковым крючком теперь было не только ее недовольство личной жизнью. Даже будучи довольной ею и фантазируя о разводе со своим мужем и о том, чтобы выйти замуж за кого-то из своих любовников (основными кандидатами были Джеймс Хьюитт, Оливер Хоар[13 - Оливер Хоар - английский торговец произведениями искусства, особое внимание уделял исламскому направлению.] и Хаснат Хан), она устраивала разгром в своем стремлении к свободе.

У Дианы было преимущество перед Чарльзом, которого не имели ни Том, ни Дориа, но которое есть у Меган. Обе женщины с раннего детства росли в семьях с разрушенными отношениями. Они с раннего возраста научились перемещаться между противоборствующими фракциями, понимая, как спровоцировать конфликт, чтобы получить то, что они хотели. Обе были мягкими и милыми, но при этом жесткими под якобы уязвимой внешностью. Обе развили тактические способности, уникальные для детей из неблагополучных семей. В раннем возрасте они научились умиротворять, вести переговоры и использовать любые инструменты, которые им хорошо помогали для достижения своей цели, какой бы она ни была.

Хотя Меган воспитывалась в более миролюбивой на первый взгляд обстановке, Диана при всем своем непостоянстве была любящей и покладистой матерью. Она также была высшим авторитетом для детей и мужа.

Она настаивала на том, чтобы ее дети росли энергичными. Диана решила, что они не будут такими дисциплинированными, как другие королевские дети, чтобы они были живыми. Чарльзу не разрешалось вмешиваться, и возможностей для вмешательства королевы также не было.

Формальная глава семьи, Елизавета II, известная как Лилибет, не была ее фактической главой. Таковым был ее муж герцог Эдинбургский, роль которого постоянно оспаривалась и часто подрывалась могущественной матерью Лилибет, королевой-матерью Елизаветой. Поэтому Лилибет привыкла к двум доминирующим фигурам среди своих ближайших родственников, к своему мужу и к матери, ни один из которых не любил другого, и обоим она старалась умиротворить в своем желании иметь счастливую и гармоничную семейную жизнь. Такое ее отношение только еще больше подрывало влияние, которое она и ее муж имели на своего старшего сына и, соответственно, на его жену.

Хотя Филипп изо всех сил старался установить основные правила в своей собственной, Маунтбеттен-Виндзорской ветви семьи, королева-мать была в постоянной оппозиции, когда дело касалось Чарльза. И так было всегда, с тех пор как он был еще совсем маленьким. При этом с тремя младшими детьми королевской четы подобных проблем не возникало, а потому многие родственники понимали, что единственная причина, по которой королева-мать вмешивалась в воспитание Чарльза, заключалась в том, что однажды тот станет королем. Она позаботилась о том, чтобы сохранить свое решающее влияние на корону за счет контроля своей дочери-королевы, а теперь и внука, будущего короля. Ее общепризнанный подход в отношении Лилибет заключался в том, что она лучше всех знала, что нужно короне, а в случае с Чарльзом – что ни один из его родителей не «понимал» его так, как она. Она чувствовала, что это ее право, как бабушки и как королевы-матери, – ободрять, направлять его и давать ему всю любовь, в чем, по ее мнению, он нуждался.

Поддерживать мужчину, который не справляется со своей женой, – это не способ решить основную проблему: как воспитывать дисциплину у детей. Таким

образом королева-мать непреднамеренно ослабляла и без того близкое к нулю влияние Чарльза на его собственную семью. Тот же эффект оказывали и его родители, не вмешивавшиеся в ситуацию, с которыми он находился в противостоянии, поскольку к этому времени отношения Чарльза и с королевой, и с принцем Филиппом были отнюдь не теплыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Владимирская тиара принадлежала великой княгине Марии Павловне, жене великого князя Владимира Александровича (сын Александра II). – Здесь и далее прим. ред.

2

Маргарет Хелен Гревилл – знатная дама, подруга королевы Елизаветы.

3

Джереми Бернард Корбин – британский политик, лидер Лейбористской партии и оппозиции с 2015 по 2020 г.

4

Джеймс Ласкеллз – двоюродный племянник королевы, сын Джорджа Лэссельза (7-й граф Хэревода), музыкант.

5

Давина Виндзор – двоюродная племянница королевы, дочь принца Ричарда, герцога Глостерского.

6

Daytime Emmy Award.

7

Здесь говорится о дошкольном учреждении.

8

Во всех источниках – Нинаки Придди.

9

Отсылка к комедийному мультсериалу «Флинтстоуны».

10

Джеймс Хьюитт – бывший кавалерийский офицер британской армии.

11

Хаснат Ахмад Хан – британо-пакистанский хирург, работал в одной из больниц Лондона.

12

Доди аль-Файед – продюсер, сын египетского миллиардера, погиб в авткатастрофе вместе с принцессой Дианой.

13

Оливер Хоар – английский торговец произведениями искусства, особое внимание уделял исламскому направлению.

Купить: <https://telnovel.com/ru/kolin-kempbell/megan-i-garri-podlinnaya-istoriya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)